

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
<i>Часть первая. ДУХ ИЗГНАНЬЯ</i>	17
Глава 1. Смерть инженера	19
Глава 2. Проект «Ярополк»	32
Глава 3. Казанский вокзал	47
Глава 4. Погодные феномены	61
Глава 5. Улица Вахтангова	71
Глава 6. Мячик на веревочке	85
Глава 7. Невеста ямщика	100
Глава 8. Подозреваемые	114
<i>Часть вторая. ПРОПАВШИЕ ПИСЬМА</i>	129
Глава 9. Призраки в Москве	131
Глава 10. Покушения	148
Глава 11. Ночное метро	166
Глава 12. История Ганны	177
Глава 13. Свисток и веер	202
Глава 14. Пропажи и находки	218
Глава 15. Хранитель сокровищ	232
Глава 16. Дети Гулливера	244

Часть третья. ГОРОД ПО ТУ СТОРОНУ	261
Глава 17. Перемещение	263
Глава 18. Карта господина Талызина	284
Глава 19. Призраки коммунизма	300
Глава 20. Византийская реликвия	313
Глава 21. Шаболовский душегуб	331
Глава 22. «Златая цепь на дубе том...»	349
Глава 23. Дары данайцев	365
Глава 24. Черная вдова	380
Эпилог	405

Привидения — это клочки и отрывки других миров, их начало.

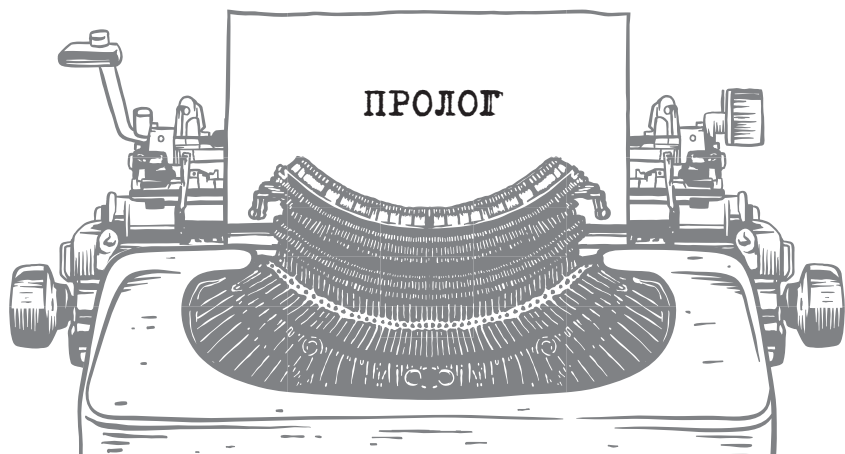
Ф.М. Достоевский.
«Преступление и наказание».

Под снегом-то, братцы, лежала она...

Л.Н. Трефолов.
«Когда я на почте служил ямщиком».

Он увидел жизнь, напоминавшую земную, жизнь, которую можно было бы назвать полуматериальной, со всеми ее удовольствиями и повседневными делами, которые привлекательны для нас и которые никоим образом не изменила смерть.

Артур Конан Дойл.
«История спиритуализма»

Февраль 1844 года. Минская губерния

— 1 —

Платон Александрович Хомяков, председатель палаты уголовного суда Минской губернии, не испытывал ни малейших сомнений в том, что сумеет по справедливости разобрать дело ямщика Соловцова. Да, господин Хомяков всего год состоял в столь высокой должности. И знал, что из всех, кто эту должность когда-либо занимал, он в свои двадцать девять лет являлся самым молодым. Однако за минувший год ему четыре раза удавалось оправдывать обвиняемых, которые без его вмешательства наверняка пошли бы на каторгу. Без всякой вины, просто по недоразумению. Так что Платон Александрович полагал: у него имеется повод гордиться собственными познаниями и достижениями по судебной части.

Но сегодня, когда за окнами судебного присутствия завывал в ночи бурян, когда стекла в двойных оконных рамах покрывал крупитчатый белый налет, а печь-голландка едва-едва согревала его кабинет, Платон Александрович думал сокрушенно: лучше бы он остался навсегда в скром-

ном подмосковном имении своего отца. Не поступал бы на юридический факультет Московского университета. И не уезжал бы служить к черту на куличики — туда, где один только почтовый тракт «Санкт-Петербург — Варшава» и напоминал о том, что где-то есть иная, не стылая, не сумрачная, а украшенная благами цивилизации жизнь.

Хотя, собственно, из-за этого тракта он и сидел сейчас здесь: за столом в своем служебном кабинете. А ведь ему полагалось бы давно почивать у себя на квартире — под двумя одеялами, с грелкой в ногах! Вторую неделю его мучила простуда, и Платон Александрович дважды кашлянул в кулак, изо всех сил стараясь не выказать признаков недомогания перед своим посетителем.

Тот уже четверть часа переминался с ноги на ногу возле двери: не желал присесть, хоть ему и предлагали. И только говорил — монотонно и почти без пауз, глядя в пол, по которому растекалась лужица грязноватой воды: таял снег, принесенный им на валенках.

— Я посватался к ней. Но Василевские-то — из римско-католиков, а я — православный. Да и не ровня я им — я и сам это знал. И не шибко подивился, когда её отец наотрез мне отказал. Но Ганна меня любила. И продолжала со мною видеться тайком от отца.

Посетитель потерял на правой руке заскорузлую марлевую повязку: его широкую сильную кисть покрывали волдыри — следы недавнего обморожения. Виднелись они и на его лице: с обвислыми усами, с густой щетиной на подбородке.

Господин Хомяков только вздохнул. Всё, о чем говорил посетитель, он уже знал. Он и прежде слышал о том, что здесь, на окраине Империи, порой случались всяческие несуразицы, но всё же эта история далеко выходила за пределы мыслимого! Однако председатель судебной палаты не хотел перебивать рассказчика. Тот и без того сверх меры перед ним робел. А ведь был это здоровенный ребенок на двадцати пяти лет от роду, чуть не на голову выше Платона Александровича и в полтора раза шире его в плечах:

Артемий Соловцов, сын вольного крестьянина Минской губернии, ямщик почтовой службы.

— А теперь, ваше превосходительство, самая суть. — Артемий поднял взгляд; его большие голубые глаза казались тусклыми, будто иссохшими. — Я убил Ганну. И прошу от вас милости: поместите меня в острог и передайте суду.

С превосходительством молодой почтальон, конечно, переборщил. До действительного статского советника, чиновника 4-го класса, Платон Александрович пока не дослужился. По табели о рангах он был всего лишь *высокоблагородием*: коллежским асессором, чиновником 8-го класса. Но куда более почтальон хватил лишку насчет острога.

— Вы, милейший, — заговорил Платон Александрович и прокашлялся: в горле у него першило при каждом слове, — за кого-то другого меня принимаете. Я не полицейский чиновник и никого не помещаю в острог. А что касается суда — отдавать вас под суд не за что. Ганну Василевскую, свою нареченную невесту, вы не убивали. Да вам и самому это известно.

Господин Хомяков говорил крестьянину Соловцову *вы* — он всем говорил *вы*, даже маленьким детям. Но Артемий от каждого слова председателя судебной палаты вздрагивал и вздергивал плечи, как если бы его хлестали нагайкой. А под конец и вовсе учудил нечто несусветное: упал перед Платоном Александровичем на колени, глухо ударился о доски пола широким лбом. И так, согбенный, застыл на целую минуту, демонстрируя чиновнику соломенно-светлые волосы на затылке. А потом — вместо благодарности за оправдание — не подымая головы, просипел:

— Христом Богом молю, ваше превосходительство... Не погубите: дайте искупить! — И он еще два раза приложился лбом к полу.

Платон Хомяков хотел его поднять — довольно уже было почтальону блажить! Но подумал: не хватит сил.

Артемий Соловцов был пуда на полтора тяжелее его. Так что, даже будучи здоровым, Платон Александрович с места бы его не сдвинул. А уж в своем теперешнем состоянии он таким упражнением мог бы, пожалуй, довести себя до кровавого кашля и горячки. И господин Хомяков встал со вздохом из-за стола, подошел к здоровяку и, чуть наклонившись, постучал двумя пальцами по тулупу на его спине.

— Полноте вам! — сказал он. — Поднимайтесь и присядьте, наконец. Поговорим обо всем спокойно.

С полминуты ничего не происходило: крестьянин будто чего-то ждал. Но потом всё-таки — с видимой неохотой — встал с полу, подобрал свой заячий треух, который он уронил еще при входе в кабинет Платона Александровича, и тяжело потопал к венскому стулу, стоявшему возле печки. Хомяков облегченно выдохнул, но снова сесть за свой стол не поспешил. Отвернувшись от посетителя, он поглядел — в который раз за этот вечер — на заиндевевшее оконное стекло. Так, в белой мути бурана, за извивами морозных узоров, было *всё то же самое*.

— Рассказывайте, — велел Платон Александрович, — как было дело. Ну, то есть — как было в *вашем* представлении.

И почтальон опять заговорил. Только теперь его речь уже не звучала монотонно и размеренно. Он говорил яростно, пару раз даже срывался на крик. Но господин Хомяков твердо решил не отступать от прежней своей линии: не перебивал его.

— 2 —

Девять дней назад, когда бураны, заметавшие теперь губернию, только-только начинали входить в силу, Артемия вызвал к себе почтмейстер — Сергей Юрьевич Уваров. Господин Хомяков неплохо его знал: они оба были неравнодушны к игре в штосс. Уваров вручил срочный

пакет почтальону и велел тому скакать без промедления на станцию. Время тогда едва перевалило за полдень, но из-за низких снеговых туч казалось, что уже подступают сумерки. И Соловцов считал теперь, что из-за этого и произошло несчастье.

— Я ведь обещал Ганне, — говорил он, — что приеду к ней, как стемнеет. Часов-то у меня нету, оттого мы и улавливались по солнцу.

Пакет Артемий не убрал, как полагалось, в сумку, а сунул за пазуху — чтобы конверт не подмок, чего доброго, под снегом. И погнал своего чалого жеребца во весь опор. До почтовой станции, куда следовало доставить срочное отправление, было два часа езды, да часа два обратно. А тут еще дорогу заметало снегом, и ветер задувал прямо в лицо. Так что за посвистом ветра почтальон не сразу и услышал человеческий голос. А когда услышал — не смог разобрать, кто и откуда зовет его? Мужик? Баба? С поля, мимо которого он скакал, или со стороны дороги, что делала впереди крутой поворот?

Он придержал жеребца, стал озираться по сторонам, но в белесой мути почти ничего не видел. А потом до него снова долетел крик. И теперь Артемий отчетливо уловил, что кричала женщина.

— Эй! — звала она. — Сюда! Помогите мне!

Голос показался ямщику вроде как знакомым, но он решил: слух его обманывает. В здешних местах он бывал только проездом и никого здесь не знал. А его Ганна проживала с отцом в десяти верстах отсюда.

Первым побуждением Артемия было — свернуть с дороги, поспешить к замерзающей путнице. Хотя бы для того, чтобы вывести её на почтовый тракт, по которому она худо-бедно могла бы добрести до людского жилья. Однако пакет у него за пазухой вдруг словно бы шевельнулся, напоминая о себе. Господин Уваров предупредил: для отправителя каждая минута важна. А главное, если бы Артемий сошел с коня сейчас, при ветре

в лицо, это куда сильнее задержало бы его, чем на обратном пути, когда он скакал бы с наветренной стороны.

— Помогите! — снова услышал он женский крик. — Бога ради! Я замерзаю!..

Но Соловцов уже принял решение. До почтовой станции, куда он спешил, оставалось всего полторы версты. И он положил для себя, что на обратном пути непременно поможет заплутавшей селянке. Посадит её на круп лошади и подвезет до какой-нибудь крестьянской избы, где она сможет переждать непогоду. Но сейчас — сейчас он никак не мог терять драгоценные мгновения. Его ждала служба. А главное — его ждала она: Ганна. И он, прищиприв чалого жеребца, рванул с места.

У Артемия и вправду не имелось часов. Но он готов был целовать крест, что обратно он воротился не позднее, чем через полчаса. Ну, самое большее — через три четверти часа. Конверт он передал на станции другому почтальону, и тот, проклиная беспокойную службу, отправился в путь по заносимому снегом тракту. На это ушло едва ли больше десяти минут. Но потом, правда, Артемию пришлось еще чуток промедлить: вот-вот должны были доставить другой пакет, который следовало передать лично в руки господину Уварову. И всё же — когда Соловцов, не переложив коня, вскакивал в седло, у него не мелькнуло ни одной мысли о грядущей беде.

Тот поворот, где он слышал голос одинокой путницы, ямщик отыскал почти сразу. Его конь потоптался там давеча, и оттиски его подков на снегу еще не полностью замело. Да и сам чалый, не доскакав сажени до этого места, вдруг встал, как вкопанный. И тихонько, будто в испуге, заржал.

— Ну, что ты, что ты... — Артемий потрепал его по холке. — Притомился? Так ведь домой уже едем. Там, на конюшне...

Но он не договорил: понял, куда смотрит, скосив глаза, его жеребец.

Прямо на дороге, шагах в пяти от него, намело длинный продолговатый сугроб — там, где меньше часу тому назад его не было в помине. Артемий не первый год возил почту по тракту «Санкт-Петербург — Варшава» и сразу смекнул, что этот сугроб означает. Но, вместо того чтобы немедленно соскочить с чалого и поспешить к *(трупу)* сугробу, он еще несколько долгих мгновений всматривался в снежный холмик — прямо на глазах прираставший новыми наслоениями. И только потом спрыгнул на землю, бегом преодолел те пять шагов, что отделяли его от сугроба, рухнул на колени и стал руками разгребать снег.

Но *осознанно* он еще ни о чем не догадывался. Ведь его Ганна не выходила зимой из дому без шубки и шапочки из беличьего меха. А на замерзшей девице, лежавшей лицом вниз, были только фланелевая юбка да бархатный салопчик. И Артемий лишь тогда прозрел истину, когда увидел её растрепавшиеся, рассыпавшиеся по плечам темно-каштановые кудри.

Забыв дышать, он перевернул её на спину. А потом сдернул рукавицу с правой руки — не мог же он коснуться её лица рукой в рукавице! И счистил снежный налет сначала с её подбородка, потом — с обеих щек, и, наконец — с закрытых глаз с полупрозрачными веками. Под снегом лежала она — прекрасная, как мраморный ангел.

На один миг — на счастливый миг! — Артемий уверовал в то, что это не Ганна, его невеста, лежит перед ним теперь в виде окостеневшего трупа. Это *он сам* упал с лошади, когда скакал по тракту «Санкт-Петербург — Варшава». И замерзает сейчас в сугробе: с разбитой головой, с переломанными ногами. А в предсмертном бреду ему видятся всякие ужасы.

— Хоть бы перед смертью еще разок в глаза её взглянуть! — прошептал он — подразумевая *свою* смерть, не её.

И целую минуту после этого он пытался разлепить Ганнины смерзшиеся от слез веки, чтобы исполнить же-

лаемое. А когда ему это не удалось, он для чего-то принял ся отогреть своим дыханием её руки. На них даже не было перчаток.

Вот тут-то он и заметил, что в посиневшей от холода правой руке девушка и по смерти продолжает что-то стискивать. Артемий стал её пальцы разжимать — сам не понимая, что делает. И не остановился, даже когда услышал отчетливый хруст: один из мраморных пальцев его ангела переломился в суставе. А когда замерзшая Ганнина рука всё-таки разжалась, на снег выпала поистрепанная детская игрушка: маленький тряпичный мячик на веревочке — ярко-красный, словно спелое яблоко.

— 3 —

— Так что она всё-таки выбрела на тракт, — закончил свой рассказ Артемий. — Верно, увидела меня и стала пробираться ко мне по снегу. Может статься, глядела мне в спину и звала меня, когда я уезжал. А вы, ваше превосходительство, не хотите предать меня суду!

В голосе его не было ни обиды, ни досады — только беспредельное разочарование.

Платон Александрович с силой потер виски, которые ломило у него всё беспощаднее. Его голову как будто сдавливали между печной заслонкой и раскаленной стенкой печи. А за окном по-прежнему мелькала какая-то белая тень — то ли огромная птица, то ли оптическая иллюзия, порожденная бураном, этакая снежная Фата-Моргана. Белесый контур то припадал к заиндевевшей поверхности стекла, то чуть отдалялся, но не исчезал вовсе. И это продолжалось уже третий вечер кряду. Господин Хомяков даже выскочил один раз во двор — так ему загорелось разглядеть: что же это он видит? Однако кабинет его располагался на третьем этаже присутственного здания. И снизу из-за метели он так ничего узреть и не сумел. Только ноги застудил.

И теперь Платон Александрович в сердцах подумал: «Да пропади он пропадом — этот мираж!» Он отступил от окна на два шага, а потом медленно, чтобы не вызвать новый приступ обжигающей боли в голове, подошел к своему креслу и опустился в него.

— Вы сочли, что Ганна оказалась одна в поле во время бурана, потому что заблудилась, когда шла на свидание с вами? — спросил он и, не дожидаясь ответа Артемия, продолжил: — Ну, так вы, милейший, ошиблись. Вы не задавались вопросом: *как* ваша невеста преодолела по снегу десять верст, отделявших её от дома? На ней ведь даже лыж не было. — И Платон Александрович приподнял с толстой стопки бумаг на столе пресс-папье в виде Медного всадника, вытянул из-под него один листок и протянул его Артемию: — Вот! Вы ведь знаете грамоту? Читайте! Это — показания её отца, Болеслава Василевского. Он ещё третьего дня у меня побывал. Жаль только, что это — слабое доказательство... Я должен был бы привлечь к суду того — другого, однако он заявил мне, что ваша невеста сама убежала в поле. И доказать обратное я не могу.

Часть первая

**ДУХ
ИЗГНАНЬЯ**

*16 июля 1939 года. Воскресное утро
Москва*

- 1 -

Николай Скрябин, следователь проекта «Ярополк», множество раз слышал присказку о том, что нужно быть осторожнее со своими желаниями. Но — осторожничать Николай не умел. Ни в чем. И он всегда мечтал не просто о крупном деле. Крупных дел он успел уже расследовать немало — а иначе не стал бы в свои двадцать два года старшим лейтенантом госбезопасности. Ведь в системе ГУТБ НКВД мало кто дослуживался до этого специального звания и к тридцати годам. Нет, Скрябин мечтал заполучить уникальное дело — небывалое даже для «Ярополка». Такое, расследование которого раз и навсегда положило бы конец шепоткам у него, Николая, за спиной — когда его исподтишка именовали выскочкой и фанфароном. И утверждали, между прочим, что вся его карьера в сверхсекретном проекте НКВД зиждется единственно на его особых способностях, которые Николай Скрябин уж точ-

но не мог поставить себе в заслугу, поскольку получил их от рождения.

О существовании «Ярополка» в Главном управлении госбезопасности НКВД СССР знал только очень узкий круг облеченных особым доверием лиц. Но и среди них бытовало ошибочное мнение, что данный проект возник в качестве ответа германскому институту «Аненербе». В действительности это было не так. Ибо, в отличие от «Аненербе», основным предназначением «Ярополка» являлось не пестование оккультистов, а выполнение функций вполне прагматических: расследование преступлений сверхъестественного свойства. То есть, таких, каких на территории СССР, страны победившего материализма, совершаться не могло в принципе. Отсюда и происходила как особая секретность невероятного лубянского проекта, так и специфика формирования его кадров. И этими кадрами, которые решали всё, становились люди с весьма специфическими способностями — отнюдь не материалистического толка. Такие, как Николай Скрябин — руководитель одной из самых успешных следственных групп в составе «Ярополка».

Впрочем, самого Николая собственные способности радовали далеко не всегда. Да что уж там, хлопот они ему доставляли — выше крыши! Вот и в то воскресное утро именно из-за этой своей аномальной одаренности Николай Скрябин видел на редкость мерзопакостный сон. Молодой человек осознавал, что он спит. И всё равно — часть его сознания была твердо уверена, что это не сон вовсе. Во всяком случае, *не совсем* сон.

В этом *не-сне* Скрябин оказался заперт в каком-то длинном и узком помещении с невысоким потолком. Освещалось оно едва-едва: его озарял мутноватый красновато-оранжевый свет. Николай сидел, скособочившись, на коротком диване с жесткой спинкой. А к его шее — чуть пониже левого уха — кто-то прижимал комок упругого липкого теста: небольшой, размером примерно со